
РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

МАРКСИСТСКИЕ ИДЕИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА «КАПИТАЛА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В.В. Зверев

Кафедра истории российской государственности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
пр. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

В статье рассматривается интерпретация марксистских идей Н.Ф. Даниельсоном (1844–1918), переводчиком трех томов «Капитала» на русский язык. Главное внимание уделено анализу критерия общественного прогресса и оценке марксистской методологии исследования.

Ключевые слова: прогресс, марксизм, позитивизм, дарвинизм, эволюция, диалектика, класс, интеллигенция.

К числу несомненных достижений отечественной историографии последнего времени следует отнести широкое и разностороннее освещение проблем общественной мысли России XVIII – начала XX в. Своеобразным подведением итогов в этом отношении стал выход двух энциклопедических изданий (1). Однако, констатируя устранение многих из существовавших лакун в историческом знании, необходимо отметить, что одна из важных тем – взаимодействие и взаимовлияние ведущих политических направлений и течений – пока остается не в полной мере раскрытой. Речь идет как о социально-близких по своему звучанию теориях, так и, казалось бы, о далеких по своей направленности идейных конструкциях – либерализме, консерватизме, социализме.

Нельзя сказать, что указанная тематика осталась вне поля зрения отечественных исследователей, но ее реализация не всегда была успешной. По-

жалуй, наиболее правомерным и научно продуктивным следует признать использование термина «либеральный консерватизм», который прочно закрепился в научном лексиконе (2).

Но речь идет не только об обогащении понятийного аппарата, весьма важным и актуальным видится процесс освоения российской общественной мыслью западноевропейского наследия, его интерпретации и применения для обоснования некоторых уже закрепившихся во взглядах представлений. Тем более, что некоторые философские теории получали очень быстрое распространение среди читающей публики.

Наглядный пример этого явления представляет марксизм, быстро завоевавший популярность у части российской интеллигенции. Уже тот факт, что I том «Капитала», вышедший в России в 1871 г., стал первым переводом на иностранный язык, говорит о многом. В связи с этим крайне интересным представляются оценки марксизма, содержащиеся в опубликованных работах и архивных материалах Н.Ф. Даниельсона (1844–1918), переводчика и «научного друга» К. Маркса и Ф. Энгельса.

В первую очередь, предполагается остановиться на таких вопросах, как понимание русским народником критерия общественного прогресса и оценка им марксистской методологии исследования социальных процессов.

Свое отношение к характеру развития природы и общества Даниельсон формулировал как однозначно эволюционное. По его мнению, «эволюция, какая бы то ни была, в области ли растительного царства, в области ли общественно-хозяйственных отношений, предполагает столкновение сил, борьбу, в которой есть и победители, но в то же время есть и побежденные».

Однако подобное развитие «не допускает скачков: новые формы должны корениться в старых и, по мере своего роста, заступать место отживающих» (3). Тем самым переход в новое качественное состояние мыслился Даниельсоном в виде постепенного накопления и закрепления количественных изменений, которые в конечном итоге приведут к радикальному изменению состояния объекта. Применительно к развитию общества это предполагало эволюционно-поступательную смену фазисов, каждый из которых подготавливался предыдущим. Такой взгляд был в общем традиционным для народнической доктрины, и Даниельсон здесь, что называется, не открывал Америки.

Особенность его подхода заключалась в том, что для обоснования собственной позиции он прибегал к использованию некоторых марксистских идей. Общая оценка Даниельсоном марксизма была также сопоставима с характерным для того времени заключением о сходстве дарвинизма и идей Маркса. В письме известному экономисту Н.А. Каблукову он так определял свое отношение: «На мой взгляд, “Капитал” в экономической науке должен сыграть такую же роль, как “Origin of Species” в биологической: философская подкладка их одинакова. В основе обоих трудов лежит мысль об изменчивости последовательных состояний. В одном случае видов, в другом – в экономическом строении общества» (4).

Но не только изменяемость и эволюционный характер развития привлекали Даниельсона в экономических исследованиях Маркса. Ему импонировала сама возможность выделения основного момента в понимании этого процесса. Главная заслуга марксизма, по мнению Даниельсона, заключалась в открытии закона зависимости жизни общества от хозяйственной деятельности. Это доказывалось тем, писал он, что «во-первых, все остальные стороны обществ(енных) отношений возможны только тогда, когда обеспечено самое содержание существования и, во-вторых, развитие... сторон деятельности обусловлено развитием хозяйственных отношений» (5).

Итак, общественная жизнь напрямую зависит от материальной деятельности человека. Но что вкладывалось Даниельсоном в это определение? Как оно интерпретировалось? Сам народнический экономист следующим образом разъяснял собственное понимание. Хозяйственная жизнь – это «...прежде всего обеспечение существования, обеспечение жизни органической», поддерживаемой «трудом и ничем более» (6).

В приведенной цитате явно просматривается переключка с мыслью, высказанной К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»: первой предпосылкой истории является «существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатации, – телесная организация всех индивидов и обусловленное ею их отношение к остальной природе» (7). Даниельсон также отмечал, что основная задача труда состоит в приспособлении «предметов, нас окружающих, к потребностям нашего существования» (8).

Однако говорить о последовательно марксистских взглядах Даниельсона было бы неверно. Дело в том, что удовлетворение материальных потребностей «питаться, одеваться и пр.» русский ученый-народник считал целью «какого бы то ни было производства» вне зависимости от социального устройства общества (9). В этом отношении он прямо расходился с дефинициями марксистской теории. Так, движущим мотивом и определяющим законом капиталистического общества, по определению Маркса, является не обеспечение нормального существования его членов, а «...возможно большее самовозрастание капитала, т.е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом» (10). Даниельсон не воспринимал обусловленности процесса производства производственными отношениями. Он видел определяющий фактор материальной деятельности в самой природе человека. Стремление к улучшению материального положения, писал Даниельсон, «лежит в основе общественного прогресса» (11).

Удовлетворить свои потребности человек может, только изготавливая те или иные продукты, производство и качество которых напрямую зависит от производительности труда. По мере ее повышения «увеличивается количество благ, которыми может пользоваться человек для удовлетворения своих потребностей» (12). Улучшение благосостояния человека Даниельсон ста-

вил в зависимость от развития производительных способностей общества в целом, не деля его на противоборствующие составляющие. Общество должно иметь общие цели – вот, пожалуй, главное, в чем он расходился с Марксом.

Не принимал русский ученый и тезис о классовой борьбе как двигателе общественного прогресса. Нельзя сказать, что он не видел расслоения общества на классы. Но их образование Даниельсон связывал с развитием производительных сил и разделением труда, которые, в конечном итоге, привели к разделению физического и умственного труда, к превращению последнего в монополию господствующего меньшинства (13). Основным признаком принадлежности к тому или иному классу он считал не отношение к средствам производства, а получение определенной доли произведенного продукта. В зависимости от того, в руки представителей какого класса попадает прибавочная стоимость, находится и политическое господство (14). Однако сама классовая борьба «производит коллизию отдельных общественных групп, выражающуюся в поступках их членов, нарушающих интересы общества как целого», и тем самым препятствует развитию общества по пути прогресса (15).

Считая главным в общественном развитии удовлетворение потребностей человека, Даниельсон исходил из того, что увеличение производительности труда обусловлено научными открытиями и их применением в производстве. Но и само «умственное развитие, развитие умственного кругозора возможно только при развитии производительности труда... Остановить развитие производительности – это то же, что остановить развитие науки» (16).

Таким образом, в понимании Даниельсона взаимосвязанное и взаимообусловленное развитие производительности труда и науки есть неременное основание для развития человеческого общества. При этом «отдельные классы могут приобрести сознание солидарности своих интересов» и объединить свои усилия ради общих целей (17).

Даниельсоном выстраивалась следующая схема: материальное производство – главное условие существования человека; «следовательно, чем полнее удовлетворены потребности человека как существа живого, чем солидарнее интересы всех членов общества, тем меньше поводов для противообщественных поступков его членов».

Тем самым в определении Даниельсоном критерия общественного прогресса явственно вырисовываются два положения. Первое: «увеличение существующего богатства, притом таким образом, чтобы им могли пользоваться все». Второе: развитие солидарности всех членов общества. Второй момент приобретал самостоятельное и едва ли не решающее значение, т.к. «с социологической точки зрения общество тем выше... чем (во всем обществе как целом) увеличивается солидарность» (18).

Естественно, что принцип солидарности интересов заставлял Даниельсона искать ответ на вопрос: каким образом возможно его воплощение в

жизнь и насколько вероятно примирение интересов общих, коллективных с интересами индивидуальными, групповыми, классовыми. Народнический экономист исходил из того, что сама борьба за существование первоначально заставляла людей противопоставлять свои жизненные интересы буйству окружающей природы. Но жизнь человека протекает в сообществе подобных ему индивидов и в силу этого он «...обязан подчинять непосредственные... чувства и инстинкты общественным для достижения определенных выгод в... борьбе за существование» (19). Так появляется чувство социальности. В дальнейшем оно (чувство социальности) развивается в нравственность, в совесть, которые приобретают сначала характер инстинкта, а затем – и органической потребности.

Итак, несмотря на признание первенствующего значения объективных интересов, в конечном итоге главным все-таки остается элемент субъективный – солидарность и нравственность. Тем самым Даниельсон стремился соединить личное и общественное, перенести понятие нравственности отдельного человека на все общество. Такой подход был свойственен народничеству в целом, что и позволяло его представителям с известной долей объективности говорить о выражении интересов всего народа, под которым понималась преимущественно его трущаяся часть.

Но для продвижения по пути прогресса этого было недостаточно. Чтобы побороть силы, препятствующие оптимальному развитию, требовалось открыть социальные законы и использовать их в общих интересах. Эту обязанность должна была выполнять образованная часть населения, интеллигенция. С присущей ей жаждой познания, критическим складом ума, аналитическими способностями она вполне могла стать регулятором внутренних взаимоотношений в обществе. С одной стороны, открытие основных социальных законов позволило бы «подчинять их себе» и создавать такие условия, при которых производительные силы народа «получили бы наибольшее развитие». С другой – наука об обществе давала средства для решения социальных проблем. Познав закономерности своего развития, человечество просто обязано в своих собственных интересах не допустить, «...чтобы колесо истории ...давило бесчисленное множество людей...». Напротив, путем регулирования взаимоотношений можно было бы приспособить «...силы умственные и нравственные на благо всех» (20).

Перед нами не просто апология разума и рационализма, не просто вера во всемогущество науки, а твердая убежденность в познаваемости социальных законов общества, помноженная на моральный императив тех слоев населения, которые, в силу своего приобщения к достижениям цивилизации, обязаны выполнять функции регулятора прогресса. И в этом плане Даниельсон высоко оценивал научную значимость марксизма, всячески пропагандировал его в печати. По своей сути это была попытка соединения новых западноевропейских теорий с позитивной деятельностью субъекта истории (людей).

Народнический экономист отнюдь не склонен был уподоблять экономический фактор «принципам мировой механики». По его мнению, социальные законы поддавались коррекции со стороны самого человека. При его активном вмешательстве «...их неумолимость окажется кажущейся...», а индивид получает реальную возможность воздействовать на ход исторических событий. Видоизменяя то или иное условие, он тем самым придает и самому развитию характер «...своей утилитарной цели» (21).

Но каждый ли член общества способен выполнить подобную задачу или она по плечу лишь избранному меньшинству?

Даниельсон констатировал, что открытие законов общественной эволюции само по себе не снимает автоматически вероятности «...носиться пассивно в жизненном водовороте в том направлении, куда влекут случайные общественные силы». Требуется активное распространение знаний, приобщение к ним широких слоев населения. Это позволило бы ликвидировать их «бедность и невежество», сформировало бы сознательное отношение «всех и каждого к совершающимся ...явлениям», развило общественное самосознание, которое должно стать «...одним из главнейших двигателей обществ(енного) прогресса» (22).

Признав тем самым научные знания не только в качестве одного из основных элементов подчинения человеческой воле социальных законов, но и формирования самого человека, Даниельсон противопоставлял науку и просвещение классово-борьбе и ее разрушительным последствиям. Благодаря целенаправленным исследованиям и их рациональному использованию было возможно, по его мнению, достигнуть взаимопонимания между различными классами и выработать наиболее приемлемую форму их сосуществования.

Эти рассуждения приводили Даниельсона к обоснованию особой роли интеллигенции в эволюции социума. По его мнению, «каждый, кто распространяет научные знания среди народа... способствует общественной жизни». По своему происхождению образованное меньшинство страны напрямую связано с развитием производства, оно представляет собой одно из незначительных «...общественных наслоений, интересы которых более или менее связаны с интересами одного из двух главных слоев, по преимуществу с интересами менее многочисленного, но более влиятельного».

Но постепенно сама интеллигенция стала приобретать все большую самостоятельность, осознавать свою силу и оказывать все большее влияние на ход развития общества, преодолев жесткую зависимость «...от лиц, в руки которых поступает прибавочный продукт...». Ее самосознание нацелено на объективное восприятие происходящего и выработку собственной позиции. В среде интеллигенции сосредоточилось «высшее проявление человеческой деятельности» – деятельность умственная. К ее мнению волей-неволей начинали прислушиваться, и ее голос при обсуждении каких-либо социальных вопросов приобретал «значение, иногда даже решающее» (23).

Таким образом, просвещенное меньшинство превращалось в рассуждениях Даниельсона в наиболее реалистически мыслящий и объективно способствующий прогрессу страны социальный слой. Она не только вырабатывала научную теорию, не только способствовала распространению научных знаний в народной среде, но и становилась выразителем насущных потребностей общества в целом. Благодаря целенаправленному стремлению интеллигенции появилась возможность преодолеть пороки классового разобщения и улучшить условия существования всей нации.

В своих концептуальных подходах Даниельсон, несмотря на определенное влияние марксистской теории, несомненно, оставался на народнических позициях. Хотя признание объективных факторов в его работах достаточно определено, не менее важным он считал субъективный аспект человеческой деятельности, усиленный возрастанием общечеловеческой солидарности. Идеи Даниельсона направлены на обоснование роли передовых личностей как творцов истории, а научного знания – как орудия действительного усовершенствования. Здесь весьма ощутимо сказывалось влияние П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. И далеко не случайно к интеллигенции он относил писателей, врачей, техников, т.е. тех, кто по роду своих профессиональной подготовленности занимался умственным, а не физическим трудом (24).

Собственно, и К. Маркс превращался в одного из наиболее ярких и влиятельных представителей интеллигенции, который своими революционными в научном отношении работами открывал новые перспективы в осмыслении прогресса общества. Правда, понимание Даниельсоном марксистской методологии исследования была весьма своеобразным, и в значительной степени перекликалось с получившими большое распространение позитивистскими идеями.

В первую очередь это касалось настойчиво пропагандировавшейся им необходимости разделения в научном процессе субъекта и объекта исследования. Объект, по мнению Даниельсона, должен быть нейтрален с точки зрения знания. А для этого требовалось «...опираться на наблюдение и опыт» как главные средства анализа явлений и синтеза научных знаний (25). В данном контексте марксизм представлялся закономерным этапом в развитии науки, корректирующим недочеты, исправляющим ошибки и дополняющим другие теории.

Понимание Даниельсоном марксистского метода сводилось к констатации стройности и последовательности исследования, основанного «на тщательном изучении фактов и их взаимных отношений». Как писал народнический экономист, К. Маркс «при изучении общественных явлений придерживался единственно научного метода: из наблюдений условий существования явления он определял его закономерность и затем полученный результат прилагал к такому же порядку явлений. Словом, индуктивный метод, как при всяком исследовании, постоянно чередовался с дедуктивным. Иного способа исследования каких бы то ни было явлений – нет» (26).

Но применение дедукции и индукции свидетельствует только о логичности и последовательности научного анализа, является признаком культуры мышления. Для Даниельсона метод Маркса – это в первую очередь и главным образом закон развития, но не диалектика изменения форм социальной жизни. Оставаясь сторонником эволюционизма, русский ученый вкладывал в марксистскую методологию собственное понимание, где главную роль играло соотношение индивидуального (онтогенетического) и видового (филогенетического) развития. Без использования подобного подхода, по мнению Даниельсона, в биологии невозможно было понять изменения в целом ряде поколений, а в социологии – «...строение и отправление ...общественных органов ...сменяющихся формаций» (27).

Как отмечают отечественные философы, проявление онтогенеза и филогенеза действительно наблюдается «не только в развитии живого», но «и в развитии капитала, и в развитии человеческого духа». Однако, несмотря на это, указанный принцип «еще не становится законом логики, принципом историзма» (28). Даниельсон только заимствовал общую эволюционную идею восхождения от простого к сложному и пытался использовать для ее методологического обоснования некоторые марксистские идеи.

Подводя итоги, можно сказать, что общественно-политические идеи переводчика трудов К. Маркса на русский язык представляют собой наглядный пример закономерного восприятия и интерпретации основных положений новой научной доктрины. На начальном этапе, когда выдвинутая гипотеза еще не прошла всестороннего критического анализа, а ее новаторские идеи не получили длительной апробации социальной практикой, подтверждающей или, напротив, опровергающей их сциентистский потенциал и прогностические возможности, вполне вероятны попытки «совмещения» заявленных методологических принципов и идейных постулатов с достаточно известными и уже распространенными теориями. С одной стороны, подобные действия облегчают освоение главных компонентов учения, а с другой свидетельствуют о наличии длительной исследовательской традиции, исключающей сознательное искажение, спекулятивное прочтение доктрины или ее вульгаризацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2011. – № 2. – С. 5–22; Арсланов Р.А., Блохин В.В. Интеллигенция в воззрениях российских либералов и реформаторов-демократов конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2014. – № 2. – С. 22–37; Зверев В.В. Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2008. – № 4. – С. 55–71; Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. – М., 2005; Общественная мысль зарубежья. Энциклопедия. – М., 2009.

- (2) См., например: *Филиппова Т.А.* Российское реформаторство второй половины XIX века: проблема либерально-консервативного синтеза // *Преподавание истории в школе*. – 1995. – № 1; *Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. – М., 2001; *Бердин А.Т.* Социально-философская концепция либерального консерватизма и ее роль в духовном возрождении России. Дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 2004 и др.
- (3) Николай-он. Апология власти денег как признак времени // *Русское богатство*. 1895. – № 2. – С. 23; *Он же*. Письмо в редакцию по поводу доклада Н.В. Левитанского о земледельческих артелях // *Новое слово*. – 1896. – № 5. – С. 261.
- (4) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 10.
- (5) Там же. – Л. 13.
- (6) Там же. – Л. 13 об, 14.
- (7) *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. – Т. 3. – С. 19.
- (8) РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 13 об.
- (9) Николай-он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. – СПб. 1893. – С. 298.
- (10) *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. – Т. 23. – С. 342.
- (11) РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 244. – Л. 5.
- (12) Николай-он. Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков // *Русское богатство*. – 1902. – № 3. – С. 60.
- (13) *Он же*. Теория трудовой стоимости... // *Русское богатство*. – 1902. – № 2. – С. 46; РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 298. – Л. 15.
- (14) *Он же*. Очерки... С. 346; Апология власти денег // *Русское богатство*. – 1895. – № 2. – С. 32; Условия развития внутреннего рынка // *Русское богатство*. – 1899. – № 5(8). – С. 69–70.
- (15) РГАСПИ. Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 5 об.
- (16) Там же. – Д. 244. – Л. 8.
- (17) Николай-он. Теория трудовой стоимости... // *Русское богатство*. – 1902. – № 2. – С. 50.
- (18) *Он же*. Теория трудовой стоимости... // *Русское богатство*. – 1902. – № 3. – С. 62; РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 343. – Л. 5; Николай-он. Наше общественное пробуждение с социально-экономической точки зрения. Беглые заметки // *Русское богатство*. – 1905. – № 7. – С. 5–6.
- (19) *Он же*. Теория трудовой стоимости... // *Русское богатство*. – 1902. – № 3. – С. 61.
- (20) *Он же*. Апология власти денег как признак времени // *Русское богатство*. – 1895. – № 2. – С. 25; *Он же*. Письмо в редакцию по поводу выступления Левитанского // *Новое слово*. – 1896. – № 5. – С. 261.
- (21) РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 4 об; 6, 9.
- (22) Там же. – Д. 343. – Л. 5–5 об; Д. 99. – Л. 3 об.
- (23) Там же. – Д. 343. – Л. 5 об; Николай-он. Теория трудовой стоимости... // *Русское богатство*. – 1902. – № 2. – С. 48, 49.
- (24) РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 2.
- (25) Там же. – Д. 243. – Л. 4.
- (26) Николай-он. Предисловие к русскому изданию // *Маркс К. Капитал*. – СПб, 1893. – Т. 3. – С. XXIII; РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 6 об.
- (27) РГАСПИ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 11.
- (28) *Принципы материалистической диалектики как теории познания*. – М., 1984. – С. 149, 150.

REFERENCES

- (1) Arslanov R.A. *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»*. [Bulletin of PFUR. Ser. «Russian history»], 2011, no. 2, pp. 5–22; Arslanov R.A., Blokhin V.V. *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»*. [Bulletin of PFUR. Ser. «Russian history»], 2014, no. 2, pp. 22–37; Zverev V.V. *Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii»*. [Bulletin of PFUR. Ser. «Russian history»], 2008, no. 4, pp. 55–71; *Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – nachala XX veka. Entsiklopediya* [Russian social thought of the XVIII – beginning of the XX century. Encyclopaedia]. Moscow, 2005. 637 p.; *Obshchestvennaya mysl' zarubezh'ya. Entsiklopediya* [Social thought of the foreign countries. Encyclopaedia]. Moscow, 2009, 703 p.
- (2) Filippova T.A. *Prepodavanie istorii v shkole*, 1995, no. 1.; *Liberal'nyy konservatizm: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Liberal conservatism: history and modernity. Materials of an All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2001; Berdin A.T. *Sotsial'no-filosofskaya kontseptsiya liberal'nogo konservatizma i ee rol' v dukhovnom vrozozhdenii Rossii: dis. ... kand. ist. Nauk* [Socio-philosophical concept of liberal conservatism and its role in the spiritual revival of Russia: diss. ... PhD]. Rostov-na-Donu, 2004.
- (3) Nikolay-on. *Russkoe bogatstvo*. Saint-Petersburg, 1895, no. 2, p. 23; Idem. *Novoe slovo*, 1896, no. 5, p. 261.
- (4) Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI), f. 199, op. 1, d. 79, l. 10.
- (5) Ibid., l. 13.
- (6) Ibid., ll. 13 ob, 14.
- (7) Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Complete set of works]. Moscow, 1960, vol. 3, p. 19.
- (8) RGASPI, f. 199, op. 1, d. 79, l. 13 ob.
- (9) Nikolay-on. *Ocherki nashego poreformennogo obshchestvennogo khozyaystva* [Essays on our post-reform economy]. St. Petersburg, 1893, p. 298.
- (10) Marks K., Engels F. *Sochineniya*, vol. 23, p. 342.
- (11) RGASPI, f. 199, op. 1, d. 244, l. 5.
- (12) Nikolay-on. *Russkoe bogatstvo*, 1902, no. 3, p. 60.
- (13) Ibid., 1902, no. 2, p. 46; RGASPI, f. 199, op. 1, d. 298, l. 15.
- (14) Ibid., 1895, no. 2, p. 32; Ibid., 1899, no. 5 (8), pp. 69–70.
- (15) RGASPI, f. 199, op. 1, d. 92, l. 5 ob.
- (16) Ibid., d. 244, l. 8.
- (17) Nikolay-on. *Russkoe bogatstvo*, 1902, no. 2, p. 50.
- (18) Ibid., 1902, no. 3, p. 62; RGASPI, f. 199, op. 1, d. 343, l. 5; Ibid., 1905, no. 7. pp. 5–6.
- (19) Ibid., 1902, no. 3, p. 61.
- (20) Ibid., 1895, no. 2, p. 25.; Ibid., 1896, no. 5, p. 261.
- (21) RGASPI, f. 199, op. 1, d. 243, ll. 4 ob, 6, 9.
- (22) Ibid., d. 343, ll. 5–5 ob, d. 99, l. 3 ob.
- (23) Ibid., f. 199, op. 1, d. 343, l. 5 ob; Nikolay-on. *Russkoe bogatstvo*, 1902, no. 2, pp. 48, 49.
- (24) RGASPI, f. 199, op. 1, d. 42, l. 2.
- (25) Ibid., d. 243, l. 4.
- (26) Nikolay-on. Predislovie k russkomu izdaniyu, *Marks K. Kapital*. St-Petersburg, 1893, vol. 3, p. 23; RGASPI, f. 199, op. 1, d. 243, l. 6 ob.
- (27) RGASPI, f. 199, op. 1, d. 79, l. 11.
- (28) *Printsipy materialisticheskoy dialektiki kak teorii poznaniya* [Principles of materialist dialectics as a theory of knowledge]. Moscow, 1984, pp. 149, 150.

MARXIST IDEAS IN INTERPRETATION OF "CAPITAL"'S TRANSLATOR INTO RUSSIAN

V.V. Zverev

Department of Russian State History
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Pr-ct, 84, Moscow, Russia, 119606

The article is a case study of interpretation of Marxist ideas proposed by N.F. Danielson, who was a translator of the first, second and third volumes of «Capital» into Russian. The main attention is concentrated on the problems of criterion of social progress and assessment of Marxist methodology. Despite the certain influence of Marxist theory on Danielson latter remained on the position of narodnichestvo in his conceptual approaches. The author revealed us that Danielson unlike Marx didn't divide society into many confrontational parts and thought it ought to have a common goal. Also the Russian scholar didn't accept a thesis upon class struggle as an engine of social progress. In this discourse Danielson gave to intelligentsia the crucial role in the evolution of society which expressed urgent needs of one. Danielson's ideas directed at reasoning the role of advanced persons as creator of history and scientific knowledge as instrument of perfecting of society. In sum the understanding of Marxist methodology of research by Danielson intersected in many points with ideas of Positivism.

Key words: progress, Marxism, positivism (positive philosophy), Darwinism, evolution, dialectics, class, intelligentsia.